

Литрес ≡ Классика

Жозеф-Анри Рони-старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Жозеф Рони-старший

Борьба за огонь

«ЛитРес»

1909

Рони-старший Ж. А.

Борьба за огонь / Ж. А. Рони-старший — «ЛитРес», 1909

Доисторическое племя уламров, потерявшее в стычке с врагами огонь – источник жизни, тепла и защиты, – обречено на гибель. Молодой воин Нао, сын Леопарда, даёт клятву вернуть пламя. Вместе с двумя товарищами он отправляется в полное смертельных опасностей странствие через первобытный мир, населённый гигантскими хищниками, враждебными племенами и неведомыми силами природы, где каждое мгновение – борьба за выживание.

© Рони-старший Ж. А., 1909

© ЛитРес, 1909

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Жозеф-Анри Рони-старший
Борьба за огонь. Доисторический роман

La Guerre du feu (1909).

Перевод Игнатия Петрова.

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Часть первая

Глава первая Гибель огня

Племя уламов спасалось бегством в непроглядной темноте ночи. Обезумевшие от страданий люди не чувствовали боли, не замечали усталости. Огонь погиб – и все меркло перед этим страшным несчастьем.

Племя с незапамятных времен хранило Огонь в трех плетенках; четыре женщины и два воина день и ночь стерегли его.

В дни самых тяжких невзгод Огонь получал пищу, которая поддерживала его жизнь. Племя защищало его от дождя и бурь, разливов рек и наводнений; вместе с племенем он переходил вброд реки и болота, приветливо синел по утрам и багровел по вечерам.

Пещерный медведь и серый медведь, зубр и мамонт, лев, тигр и леопард боялись грозного вида Огня. Его кровавые зубы защищали человека от всего враждебного мира. Он извлекал

из мяса дразнящий запах, обжигая, придавал крепость концам палиц, раскалывал на части камни. Он разливал сладостное тепло по телу. В холодные ветреные ночи он дарил племени бодрость. И в дремучих лесах, и в глубине темных пещер, и в нескончаемых просторах степи – саванны – Огонь был отцом, хранителем, спасителем племени. Но он был опасней мамонта и тигра, когда, вырвавшись из плетенки, начинал пожирать деревья.

Огонь погиб!..

Враг уничтожил две плетенки. В третьей, во время бегства, Огонь захирел, поблек. Еле теплящийся, он не мог зажечь даже сухой травинки. Он вздрагивал на своем ложе из камней, как больной зверек, как крохотное красноватое насекомое, он трепетал при каждом порыве ветра. А потом он умер...

Осиротевшие уламы бежали осенней ночью. Низко нависший свод неба, казалось, давил своей тяжестью на темную поверхность болота. Звезды прятались за тучами. Деревья простирали над беглецами свои обнаженные ветви. В воде плескались гады.

Мужчины, женщины, дети брели во тьме, не видя друг друга. Прислушиваясь к голосу вожака, они старались шагать по его следу. Три поколения уламов пользовались этой тропой, но, чтобы не сбиться с нее, нужен был хотя бы свет звезд.

На заре они приблизились к саванне.

Тусклый свет озарил на востоке темные, тяжелые тучи. Ветер рябил поверхность болота, казавшуюся густой и вязкой, как горная смола. Кочки уродливо торчали из воды. Среди кувшинок и стрелолистников копошились и плавали сонные гады. Цапля взлетела вверх и, покружившись, села на пепельно-серое дерево.

Неожиданно перед уламами открылась бесконечная саванна. Клубы тяжелого тумана перекачивались по трепещущей от предрассветного ветра траве. Люди приободрились и, продравшись сквозь стену камышей, ступили на твердую почву.

Лихорадочное возбуждение, поддерживавшее их во время ночного бегства, угасло; большинство мужчин в изнеможении повалилось на траву и тотчас же погрузилось в глубокий сон.

У женщин горе превозмогало усталость: те из них, которые потеряли детей в болоте, завывали, как волчицы; все пали духом при воспоминании о постигших племя бедах.

Фаум воспользовался первыми проблесками дневного света, чтобы пересчитать свое племя. Он считал при помощи пальцев и ветвей – каждая ветвь равнялась сумме пальцев на обеих руках.

Остались только четыре ветви воинов, шесть ветвей женщин, неполных три ветви детей и меньше одной ветви стариков.

Старый Гоун сказал, что уцелели один мужчина из пяти, одна женщина из трех и один ребенок из целой ветви. Только тогда уламы ощутили всю тяжесть обрушившегося на них бедствия.

Они поняли, что смертельная опасность угрожает самому существованию племени, что силы природы грозно ополчились против них, что, лишившись Огня, они не смогут бороться с этими силами.

Отчаяние овладело даже мужественным Фаумом.

На его широком лице, заросшем жесткой щетиной, в его глазах, желтых, как у леопарда, отразилась смертельная усталость. Он смотрел на спящих воинов, забывая даже слизывать кровь, которая сочилась из ран на предплечье.

Как все побежденные, Фаум не переставал вспоминать мгновение, когда победа, казалось, клонилась на его сторону. Уламы яростно бросились в бой. Палица Фаума крушила череп за черепом. Еще миг – и уламы уничтожат своих врагов, возьмут в плен их жен, растопчут их Огни и смогут попрежнему охотиться в своей саванне, в полных дичи лесах.

Какой злой ветер пронесся над полем битвы? Почему уламы, вдруг охваченные ужасом, обратились в бегство, почему захрустели их кости под вражескими палицами, почему враже-

ские рогатины стали вспарывать их животы? Как случилось, что враги ворвались в лагерь уламров и уничтожили плетенки с Огнем?

Мысли эти неотступно сверлили темный мозг Фаума, приводя его в исступление. Он не мог примириться со своим поражением...

Солнечные лучи пробились сквозь облака. Под их ярким блеском закурилась паром саванна. Радость утра и свежее дыхание растений несли они с собой. Даже болотная вода казалась теперь не такой густой, угрюмой и коварной. Она то отсвечивала серебром среди темной зелени островков, то как бы покрывалась блестящей пленкой слюды, то приобретала опаловую матовость жемчуга. Ветерок, пробиваясь сквозь заросли ив и ольхи, разносил далеко в стороны свежий запах воды. Солнечные лучи отражались в капризной поверхности вод и мимолетно озаряли то какую-нибудь корягу, то водяную лилию, желтую кувшинку, синего касатика, болотный молочайник, вербейник, стрелолистник, то целую заросль лютиков, очитков, дикого льна, горького кресса, росянки, то непроходимые заросли камышей, ивняка, где кишели водяные курочки, чирки, ржанки и зеленокрылые чибисы.

Фаум смотрел на свое племя. Сбившиеся в кучку уламы, желтые от ила, красные от крови, зеленые от водорослей, казались разноцветным клубком змей. От свернувшихся, как питоны, или распластавшихся, как гигантские ящеры, людей несло лихорадочным жаром и запахом гниющего мяса. Некоторые тяжело хрипели, борясь со смертью. Раны их почернели от запекшейся крови.

Однако большинство раненых должно было выжить – самые слабые остались на том берегу или потонули при переправе.

Фаум перевел взгляд со спящих на тех, кто бодрствовал, больше страдая от поражения, чем от усталости. Это были великолепные образцы человеческой породы. У них были тяжелые головы с низкими лбами и мощными челюстями. Кожа их была бурой, но не черной; почти у всех грудь и конечности поросли волосами. Остротой обоняния они могли соперничать с хищными зверями.

Фаум воздел руки к небу и протяжно закричал:

– Что станет с уламами без Огня? – спрашивал он. – Как будут они жить в саванне и в лесу? Кто защитит их от ночного мрака и зимних ветров? Они должны будут есть сырое мясо и горькие корни. Кто согреет их озябшие тела, кто придаст крепость концам их палиц? Лев, медведь, тигр будут пожирать их живьем в темные ночи! Кто сумеет снова овладеть Огнем, тот станет братом Фаума. Он будет получать три части на охоте, четыре части из добычи. Фаум отдаст ему в жены Гаммлу, дочь своей сестры! А после смерти Фаума – к нему перейдет жезл вождя!

Тогда Нао, сын Леопарда, поднялся и сказал:

– Дайте мне двух быстроногих воинов, и я добуду Огонь у сыновей Мамонта или у людоедов, охотящихся на берегах Большой реки!

Фаум недоброжелательно посмотрел на него. Нао был самым рослым из уламров. Не было в племени воина, который мог бы соперничать с ним в выносливости и скорости бега. Он поборол Му, сына Бизона, первого после Фаума силача племени. И Фаум боялся Нао. Он постоянно давал ему самые опасные поручения, стараясь держать его вдали от племени.

Нао не любил вождя уламров. Но высокая, стройная, пышноволосая Гаммла, дочь сестры Фаума, нравилась ему. Он думал о ней то со страстью, то с неистовым гневом. Нао часто подстерегал ее в зарослях ивняка, в чаще леса. Стоя в засаде, он то широко раскрывал объятия, чтобы прижать ее к груди, то судорожно стискивал палицу, борясь с желанием повергнуть ее на землю как девушку из враждебного племени. А между тем он не желал Гаммле зла: если бы она была его женой, он не был бы с ней жестоким, потому что не любил видеть на лицах окружающих выражение страха и отчужденности.

Во всякое другое время Фаум не принял бы предложения Нао. Но беда укротила Фаума. Он подумал, что союз с сыном Леопарда может оказаться выгодным; в противном случае он всегда найдет способ избавиться от него. Поэтому, повернувшись к молодому воину, он сказал:

– У Фаума только один язык. Если Нао принесет Огонь, он получит Гаммлу без выкупа. Он станет сыном Фаума!

Подняв одну руку вверх, он говорил с расстановкой, веско и торжественно.

Кончив, он сделал знак Гаммле.

Девушка, трепеща, приблизилась.

Гаммла знала, что в сумерках Нао подстерегает ее в чаще и боялась его. Но иногда она мечтала о нем. И противоречивые чувства боролись в ней: то ей хотелось, чтобы он погиб под ударами людоедов, то она жаждала, чтобы он вернулся победителем и принес Огонь племени.

Тяжелая рука Фаума упала на плечо девушки.

– Кто из дочерей человеческих сравнится с моей Гаммлой? – гордо воскликнул он. – Она может унести на плече лань, бежать без отдыха от утренней зари до вечерней, без ропота переносить голод и жажду, переплывать озера и реки. Она родит своему мужу много сыновей. Если Нао сумеет принести Огонь, он получит Гаммлу без всякого выкупа – ему не придется отдавать ни рогов, ни мехов, ни ракушек!

Тогда Агу, сын Зубра, самый волосатый из уламов, выступил вперед:

– Агу хочет завоевать Огонь, – сказал он. – Вместе со своими братьями он пойдет добывать его у врагов по ту сторону реки. Агу либо погибнет от руки врагов, в пасти тигра, в когтях у льва-великана, либо принесет уламам Огонь, без которого они слабее оленя и сайги!

Все лицо Агу, казалось, состояло из одной пасти, окаймленной кровавой полосой губ. Глаза его дико сверкали. На тяжелом коренастом теле уродливо выделялись длиннейшие руки и непомерно широкие плечи. Облик его выдавал звериную, беспредельную, не знающую пощады мощь и жестокость. Агу никогда не боролся ни с Фаумом, ни с Му, ни с Нао. Но все знали, что сила его огромна. Агу не мерялся ни с кем силами в мирной схватке, но все те, кто становились поперек его пути, терпели поражение, и счастлив был тот, кто отделялся одним лишь увечьем в единоборстве с ним.

Он жил в стороне от остальных уламов, с двумя братьями, такими же волосатыми, как он сам, и с несколькими женщинами, несчастными, забитыми существами, обреченными на самое жалкое прозябание.

Даже среди суровых к самим себе и беспощадных ко всем остальным уламов сыновья Зубра выделялись своей жестокостью и кровожадностью. Смутное недовольство нарождалось среди всего племени. Это недовольство было первым проблеском сознания общности интересов массы людей перед лицом опасности, угрожающей всем вместе и каждому в отдельности.

Хотя большинство соплеменников осуждало Нао за излишнюю мягкость и кротость, у него было немало приверженцев. Незлобивость такого могучего воина привлекала к нему сердца тех, кого природа обделила силой.

Фаум ненавидел Агу не меньше, чем сына Леопарда, и боялся его еще больше. Союз косматых братьев казался непобедимым. Если один из них жаждал чьей-либо крови, двое других не успокаивались, пока враг был жив. Всякий, объявивший им войну, должен был погибнуть или уничтожить их.

Фаум мечтал о союзе с косматыми братьями. Но его заискивания натывались на глухую стену недоверия. Сыновья Зубра знали только один вид лести – животный страх во взгляде у всех, кто общался с ними.

Фаум был, пожалуй, не менее жестоким и недоверчивым, чем Агу и его братья. Но наряду с этим он обладал и качествами, необходимыми вождю: он был ласков со своими приверженцами, заботлив к нуждам племени, решителен, настойчив, беззаветно храбр и по-своему справедлив.

В резком ответе Фаума чувствовался, однако, оттенок уважения к Агу:

– Если сын Зубра вернет Огонь уламрам, он без выкупа получит Гаммлу и станет вторым вождем племени, которому все воины будут подчиняться!

Агу слушал речь вождя, не отрывая жадных взглядов от Гаммлы. Его маленькие глазки вдруг сверкнули угрозой:

– Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра. Всякий другой, кто осмелится прикоснуться к ней, будет уничтожен!

Эти слова задели Нао. Принимая вызов, он возбужденно крикнул:

– Гаммла будет принадлежать тому, кто вернет племени Огонь!

– Сын Зубра сделает это!

Нао и Агу скрестили взгляды. До сих пор у этих людей не было повода для вражды. Каждый знал о силе другого, но, не имея поводов для соперничества, они до сих пор еще не сталкивались. Речь Фаума зажгла в них ненависть друг к другу.

Агу, еще вчера не обращавший внимания на Гаммлу, вздрогнул всем телом, когда Фаум стал восхвалять девушку. Он мгновенно загорелся к ней страстью, неутолимой и яростной. С этой минуты он обрекал смерти всякого соперника.

Нао понимал это. Он крепче сжал топор левой рукой и палицу правой. Услышав ответ Нао, братья Агу стали рядом с ним, молчаливые и угрожающие.

Все три брата были поразительно похожи один на другого: темнокожие, волосатые, с крохотными глазками, словно затянутыми пеленой, как надкрылья у жуков.

Все трое подстерегали каждое движение Нао, готовые броситься на него. Но среди племени поднялся ропот. Даже те, кто осуждал Нао за мягкость, не хотели его гибели: ведь он взялся вернуть им Огонь. Все знали, что он изобретателен и хитер, неутомим, искусен в обращении с Огнем. Наконец многие верили в его удачливость.

Агу также обладал силой, хитростью и упорством, и племя могло только выиграть от того, что одновременно два лучших воина отправятся на поиски Огня.

В сильном возбуждении все вскочили на ноги. Приверженцы Нао сгрудились вокруг сына Леопарда, готовые защищать его от нападения косматых братьев.

Сын Зубра не знал страха, но и осторожность не была чужда ему. Он решил отложить сведение счетов с Нао.

Гоун, самый старый из уламов, выразил словами неясные мысли, будоражившие толпу:

– Разве уламы хотят своей гибели? Неужели они забыли, сколько воинов вырвали из их рядов враги и волны реки? Из четырех остался один! Все, кто способен держать в руке топор и палицу, должны жить. Нао и Агу, сильнейшие из наших охотников; если один из них умрет, племя ослабеет так же, как если бы погибли четыре других воина. Гаммла будет служить тому, кто принесет Огонь. Такова воля племени!

– Такова воля племени! – сказали воины. И все женщины подхватили в один голос:

– Гаммла будет принадлежать покорителю Огня!

Агу не боялся племени, но понимал, что спорить с ним опасно. Сделав знак братьям, он повернулся и ушел к своему логовищу.

Глава вторая

Мамонты и зубры

Это происходило на заре следующего дня.

Высоко в небе ветер быстро гнал тучи, но над самой землей воздух стоял неподвижно – раскаленный, напоенный тысячами запахов, душный воздух. Небо казалось гигантским синим озером. Дрожа и переливаясь, растекалась по этому озеру пена утренней зари. Тут она образовала яркожелтую лагуну, здесь изумрудный залив, там розовый поток...

Раненые уламы стонали – их томила жажда.

Один из воинов ночью скончался. Окоченевший труп его лежал на траве, посинелый, с кровавым пятном вместо лица, обглоданного ночными хищниками.

Фаум приказал бросить труп в воду.

Жалобное бормотанье старого Гоуна проводило воина в последний путь.

После похорон все внимание племени сосредоточилось на охотниках за Огнем – Агу и Нао, собиравшихся в поход.

Косматые братья вооружились палицами, топорами, рогатками, дротиками с кремневыми наконечниками. Нао выбрал себе в спутники вместо зрелых воинов двух юношей, быстрогоногих, неутомимых в беге. У каждого из них было по рогатине, топору и дротику. Сын Леопарда, сверх того, захватил палицу – дубовую ветвь, конец которой был обожжен в огне костра. Он предпочитал это оружие всякому другому. С палицей в руках он привык сражаться один на один с самыми свирепыми хищниками.

Фаум обратился к косматым братьям с такой речью:

– Агу увидел свет раньше Нао, – сказал он. – Пусть он выбирает свой путь. Если он пойдет к реке, сын Леопарда пойдет к Болотам. Если же сын Зубра решит пойти к Болотам, Нао направится к Большой реке.

– Агу еще не знает, куда он пойдет! – возразил сын Зубра. – Он будет искать Огонь повсюду: утром он может пойти к Болотам, вечером – к реке. Разве может знать преследующий вепря охотник, где удастся убить его?

– Агу должен сказать, какой путь он выбирает, – ответил старый Гоун, и одобрительный ропот толпы поддержал его, – Он не может одновременно идти и на закат, и на восход. Пусть Агу скажет, куда он пойдет!

Кинув злой взгляд на толпу, сын Зубра крикнул:

– Агу пойдет на закат!

И, сделав знак братьям, он решительно зашагал по направлению к Болотам.

Нао не сразу последовал его примеру. Ему хотелось повидать на прощанье Гаммлу. Она стояла под ясенем среди кучки стариков.

Нао направился к ней; она не тронулась с места; взгляд ее блуждал по саванне. Сердце Нао часто-часто стучало от гнева против тех, кто становился между ним и Гаммлой.

Подняв топор к небу, Нао воскликнул:

– Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернется к своему племени, если не сможет добыть Огонь. Нао найдет смерть на дне пропасти, утонет в реке, будет съеден гиенами или вернется победителем и принесет Гаммле ракушки, синие камни, зубы мамонта и рога зубра!

Девушка подняла на воина глаза, в которых сверкала детская радость.

Но Фаум нетерпеливо оборвал речь Нао:

– Сыны Зубра уже скрылись за лесом! – сказал он. – Почему Нао еще здесь?

И Нао, кликнув своих спутников, не оглядываясь, зашагал на восток.

Нао, Гав и Нам целый день шли саванной. Зеленый покров ее был еще в полном расцвете. Солнце сушило траву, ветер колыхал ее, разнося бесчисленные запахи, которыми был напоен

воздух. Монотонная и однообразная на первый взгляд, саванна таила в себе бесконечное разнообразие злаков, трав и цветов, насекомых и животных. Плодородие ее было неистощимо. Среди необозримых зарослей злаков ютились островки дрока, вереска, шильника, зверобоя, шалфея, лютиков, кресса. Местами виднелись участки голой почвы, устоявшие против натиска сомкнутых колонн растительной армии. Но за этими плешинами снова начинались сочные пятна мальвы, шиповника, красного трилистника и зеленых кустарников.

Местами однообразие равнины нарушали невысокий холм, глубокий овраг, пруд, кишаший насекомыми, лягушками, тритонами. Одинокая скала высилась в траве, словно мастодонт на пастбище. Стада антилоп мелькали на горизонте, зайцы скакали в высокой траве, удирая от волков и собак, в воздух тяжело взлетали стаи куропаток; над саванной носились вороны, легкокрылые вяхири, грузные дрофы. С места на место перебегали табуны диких лошадей, неспешно и солидно выступали зубры. Из рощи выходил, неуклюже переваливаясь с боку на бок, огромный и страшный серый медведь, победитель тигров, не уступающий в силе львам-великанам...

Вечером Нао, Нам и Гав расположились на привал у подножья кургана. Они не прошли за день и десятой части пути.

Сколько видел глаз, кругом расстилалась однообразная и печальная в этом сумеречном полусвете саванна. Последние лучи солнца догорали на облаках.

Вид этого моря Огня напомнил Нао о том крохотном язычке пламени, который он должен был добыть. Казалось, стоило взобраться на вершину холма и протянуть сухую сосновую ветвь к облакам, чтобы искра небесного Огня воспламенила ее.

Тучи над горизонтом потемнели, но неясный багрянец еще долго мерцал на темном фоне неба. Одна за другой стали вспыхивать сверкающие точки звезд. Поднялся легкий ветерок.

Привыкнув к кострам становищ, светящаяся ограда которых преграждала доступ ночи, Нао чувствовал себя теперь слабым и беспомощным. Каждое мгновение из мрака могли появиться леопард, лев, тигр, хотя они редко охотятся на равнине; стадо зубров могло растоптать хрупкую человеческую плоть; волчья стая представляла грозную опасность для беззащитных людей – количество придавало волкам силу крупных хищников, а голод вооружал их храбростью.

Воины поужинали сырым мясом. Это был грустный ужин: уламы отвыкли от сырой пищи. Затем Нао первым стал на стражу. Всем существом он внимал каждому дыханию ночи. Глаз его улавливал движения теней, блеклое свечение тумана; слух различал шопот ветерка, шелест травы, полет насекомых, бег животных и шорох змей, он слышал вопль шакалов, смех гиен, вой волков, стрекотание кузнечиков и дальний клекот орла; ноздри его впитывали сладостный аромат цветов, свежее дыхание травы, острый запах хищников и зловоние гадов; кожа его ощущала малейшее дуновение ветерка, волны влажного холода и приступы сухого тепла.

Жизнь была полна опасностей. Все проявления ее таили в себе угрозу. В неустанной борьбе с окружающим выжить мог только бдительный, сильный и хитрый. И Нао настороженно высматривал в темноте приближение когтей, раздирающих плоть клыков, дробящих ее, горящих угольков глаз пожирателей живого тела. Многие из хищников, учуяв присутствие сильного зверя – человека, – отбегали, не задерживаясь. Так пробежали мимо гиены – челюсти их так же мощны, как львиные, но гиены не любят борьбы и довольствуются мертвечиной. Подкралась стая волков. Волки знали силу количества – они остановились подле привала уламов, смутно понимая, что они не слабее трех людей. Но так как голод не терзал их, они предпочли пробежать дальше, по следу антилоп. Подходила и стая собак, похожих на волков. Они окружили курган и долго лаяли на людей. Отдельные собаки с угрожающим рычанием забежали вперед, но ни одна не решилась напасть на двуногих зверей. Недавно еще собаки стаями ходили за племенем. Они питались отбросами и участвовали в охотах уламов. Старый Гоун приручил

двух собак – он кормил их потрохами и костями. Они погибли в схватке с вепрем. Приручить других не удалось, так-как Фаум, став вождем, приказал убить всех собак.

Нао нравилась мысль о союзе с собаками. В этом он чувствовал залог большой безопасности человека, новый источник силы. Но нечего было и думать об этом здесь, в саванне, где людей было всего трое, а собак – целая стая.

Между тем собаки стягивались кольцом, вокруг людей. Они не лаяли больше, но их короткое дыхание слышалось все отчетливее. Это начало беспокоить Нао.

Взяв пригоршню земли, он швырнул ее в самую смелую собаку и крикнул:

– У нас есть рогатины и палицы, которыми можно убить медведя, зубра и даже льва!

Собака, которой земля попала в морду, шарахнулась и, испуганная звуком голоса, скрылась в темноте. Остальные отбежали назад и, казалось, совещались.

Нао швырнул еще одну пригоршню земли:

– Где вам сражаться с уламами! Прочь отсюда! Ищите себе добычу послабей – сайгу или волка! Нао выпустит наружу кишки первой, которая осмелится приблизиться!

Разбуженные голосом Нао, Нам и Гав вскочили на ноги. Появление двух новых теней заставило собак обратиться в бегство.

Семь дней шли Нао, Нам и Гав, обходя препятствия, но опасности росли по мере того, как уламы приближались к краю саванны. Хотя лес отстоял еще в нескольких днях ходьбы, предвестники его – отдельные рощи деревьев, крупные хищники – стали попадаться все чаще и чаще. Однажды охотники встретили даже тигра.

Ночи становились все опасней. Теперь задолго до наступления сумерек уламы начинали думать о ночлеге: они искали пещеру в холмах, удобную площадку на скале или, на худой конец, хотя расселину в почве. Ночевать на деревьях они избегали.

На восьмой или девятый день странствования их начала мучить жажда. Кругом не было ни ручейка, ни болота; трава пожелтела. В воздухе появились тучи мошкар. Она беспокойно носилась над саванной и беспощадно жалила тела воинов.

Когда тени девятого дня удлиннились, земля снова зазеленела, воздух стал влажным, и ветерок с холмов принес запах свежей воды.

Вскоре уламы увидели стадо зубров.

Нао сказал своим спутникам:

– Мы напьемся воды до захода солнца. Зубры идут на водопой!

Нам, сын Тополя, и Гав, сын Сайги, выпрямили уставшие тела.

Нао выбрал себе в спутники легких и подвижных юношей. В них нужно было воспитать мужество, веру в себя, выносливость. Взамен они готовы были платить слепым повиновением, безграничным доверием, способностью мгновенно забывать перенесенные страдания.

Предоставленные самим себе, они терялись перед враждебными силами природы. Но у них были зоркие глаза, тонкий слух, ловкие руки и неумолимые ноги – и все эти качества были к услугам вождя, который сумеет завоевать их доверие и подчинить своей воле.

За дни совместного странствования Нам и Гав успели привязаться к Нао. Для них он был воплощением, мужества и силы, защитником и покровителем.

Порой, шагая рядом с ним, они любовались его мощными плечами и широкой грудью и испытывали непонятное им самим чувство доверия к нему.

Нао платил юношам такой же искренней привязанностью. Почему-то союз с Намом и Гавом казался ему залогом успешности задуманного похода.

Длинные тени легли у подножья деревьев. Солнце склонялось к закату, и огромный красный диск его заливал багряным светом равнину и медленно движущееся темнобурое стадо зубров, казавшееся издали мутным потоком воды.

Вслед за зубрами украдкой пробиралось множество других зверей. Это доказывало, что Нао не ошибся в своих предположениях, и водопой находится не遠далеке, где-то там, за линией холмов.

Вскоре Нао, Нам и Гав почувствовали близость воды – ноздри их жадно втягивали влажный воздух.

– Надо опередить зубров! – сказал Нао.

Он боялся, что водопой окажется узким и что великаны-зубры преградят доступ к нему.

Охотники ускорили шаг.

Стадо подвигалось медленно: молодые зубры устали от длинного перехода, старые соблюдали привычную осторожность. Уламы быстро догнали зубров. Другие животные также хотели достигнуть водопоя раньше их: видно было, как стремительно неслись вперед стада легких сайг, муфлонов, ослов. Наперерез им скакал табун лошадей. Многие животные уже добрались до перевала.

Нао и его спутники значительно опередили зубров и взобрались на вершину холма, когда зубры только-только достигли его подножия. Это должно было позволить уламам не спеша утолить жажду.

Перевалив через гребень холма, Нао, Нам и Гав зашагали еще быстрее. Вода уже была видна отсюда. Это было небольшое озеро, окруженное со всех сторон грядой скал; узкая коса земли полуостровом вдавалась в него. Справа озеро питали воды полноводной реки. Слева оно низвергалось каскадом в глубокую пропасть. Доступ к озеру был возможен тремя путями: по реке, через перевал, которым прошли уламы, и через второй перевал, в скалистой гряде. В остальных местах озеро было окружено непроходимой базальтовой стеной.

Воины приветствовали воду радостными криками. У водопоя уже столпились хрупкие сайги, маленькие коренастые лошадки, тонконогие онагры, бородатые муфлоны, робкие косули и старый сохатый, на лбу которого выросло как будто целое дерево. Только свирепый вепрь, гордый сознанием своей силы, пил воду спокойно. Все остальные звери утоляли жажду, насторожив уши, с бегающими глазами; они часто вздрагивали и недоверчиво поднимали морды, каждое мгновение готовые спастись бегством. «Слабые должны жить в постоянном страхе», гласил закон первобытной жизни.

Вдруг, словно по команде, все морды повернулись в одну сторону, и еще через мгновение лошади, онагры, сайги, козули муфлоны и сохатый беспорядочной толпой понеслись к западному перевалу. Один вепрь остался на месте, беспокойно вращая налитыми кровью глазами. Появилась стая свирепых лесных волков. Нао, Нам и Гав держали наготове рогаины и дротики, а вепрь воинственно оскалил свои клыки и угрожающе захрюкал.

Волки осмотрели врагов и, признав их опасными, предпочли броситься в погоню за бежавшими животными.

После ухода волков на водопое наступила тишина, и уламы, вволю напившись свежей холодной воды, стали держать совет.

Надвигались уже сумерки. Солнце спряталось за базальтовой стеной. Нечего было и думать продолжать путь в темноте. Где остановиться на ночлег?

– Идут зубры! – сказал Нам, слышав вдали шум.

Вдруг он повернул голову в сторону западного перевала. Трое воинов насторожили слух, затем легли на землю.

– Оттуда идут не зубры, – прошептал Гав. Нао ответил:

– Это мамонты.

Охотники поспешно осмотрели местность: река текла между базальтовым холмом и отвесным утесом из красного порфира. Узкий выступ, спиралью опоясывающий утес, позволял, однако, без особенного труда достигнуть его вершины.

Нам первым заметил пещеру на вершине утеса. Она была низкой и небольшой. Однако уламры не сразу проникли в нее: сначала они пристально вглядывались в ее глубину, затем Нао, пригнув голову к земле и втягивая в ноздри запахи, пополз в отверстие впереди своих спутников.

Пол пещеры был устлан костями, обрывками шкур, оленьими рогами, челюстями каких-то животных. Все это свидетельствовало, что хозяин пещеры был грозным и опасным охотником. Нао еще раз внюхался в запахи пещеры и уверенно сказал:

– Это пещера серого медведя. Она пустует уже целую луну.

Нам и Гав не сталкивались до сих пор с этим громадным хищником; уламры кочевали обычно по местам, где водились тигры, львы, зубры, даже мамонты, но серый медведь был редким гостем. Нао же видел его во время своих дальних странствований. Он знал, что серый медведь смел и не уступает в силе, льву-великану, а в жестокости – носорогу.

Почему пустовала пещера, Нао не знал: медведь мог найти себе новую берлогу, перекочевать на короткое время в другое место, наконец, мог погибнуть в схватке с другим хищником или при переправе через реку; но так или иначе, Нао не сомневался, что этой ночью хозяин не вернется, и решил занять берлогу.

Пока длился осмотр пещеры, у водополя поднялся страшный шум: то пришли зубры. Их могучий рев будил звонкое эхо и разносился по всему озеру.

Нао не мог удержать дрожи, прислушиваясь к реву зубров. Человек редко отваживался охотиться на этих великанов. Зубры сознавали свою силу и не боялись даже самых крупных хищников, которые осмеливались нападать только на ослабевших или отбившихся от стада животных.

В это время новая волна звуков ворвалась в шум, поднятый зубрами. Этот крик был слабее рева зубров, и тем не менее он возвещал приближение самых сильных из живых существ, живущих на земле.

В то время мамонт был непобедимым и полновластным хозяином суши. Его огромная туша заставляла держаться в почтительном отдалении тигров и львов, отпугивала серого медведя; еще долгие тысячелетия должны были пройти, прежде чем человек осмелился померяться с ним силами; один лишь носорог, слепой и глухой в своей ярости, не боялся нападать на него.

Мамонты были подвижными, гибкими, неустойчивыми, сообразительными и памятливими. Хобот служил им, как человеку руки, страшные бивни были сильнейшим оружием на земле.

Случилось так, что вожаки мамонтов и зубров одновременно подошли к водополю. Мамонты, привыкшие к тому, что им везде уступают дорогу, пожелали пройти первыми. Обычно в таких случаях бизоны и зубры отступали. Но иногда, избалованные покорностью всех прочих травоядных, зубры приходили в бешенство, особенно когда вожаки их плохо знали мамонтов.

Восемь передовых зубров были огромными самцами – крупнейший из них был ростом с носорога. Томимые сильной жаждой, они не склонны были проявлять уступчивость. Увидев, что мамонты собираются первыми пройти к водополю, они угрожающе подняли головы и издали протяжный боевой крик.

За вожаками мамонтов длинной лентой вытянулось многоголовое стадо.

Трое уламов вышли из пещеры. Сознание первобытного человека было еще темным, мысли смутными, запас слов ничтожным, но величественное и дикое зрелище, представшее перед глазами уламов, исполнило их благоговейным трепетом.

Спокойные и невозмутимые мамонты преграждали путь зубрам. Маленькие подвижные глаза вожаков неотрывно следили за ними.

Восемь горбатых зубров, с налитыми кровью глазами, яростно потряхивали жирной, грязной и тяжелой гривой и наклоняли к земле острые, расходящиеся в стороны рога. Инстинктивно они сознавали грозную силу врага, но нетерпеливый рев сгрудившегося за их спинами стада зажигал в них воинственный задор.

Внезапно самый рослый зубр – вожак всего стада, – еще ниже пригнув к земле морду и сверкающие рога, бросился на ближайшего мамонта. Сила натиска и внезапность нападения были таковы, что мамонт зашатался и упал на колени. Зубр со свойственным его породе упорством продолжал нападать; его острые рога наносили мамонту удар за ударом; он спешил использовать свое преимущество: поверженный на колени мамонт мог отбиваться только хоботом.

В этой страшной схватке великанов зубр был воплощением слепого бешенства. Пена выступила на его губах, налитые кровью глаза сверкали, как угли. Он весь дрожал от чудовищного, напряжения. Упорно и непрерывно зубр бил противника рогами, стремясь опрокинуть его на бок, чтобы добраться до брюха, где кожа не была такой толстой. Тогда он вышел бы победителем из схватки.

Мамонт понимал это. Напрягая все силы, он старался не дать повалить себя на бок. Одним рывком он мог снова стать на ноги, но для этого нужно было, чтобы зубр хоть на мгновение перестал наскакивать на него.

Неожиданное нападение сначала озадачило остальных вожаков. Четыре мамонта и семь зубров стояли друг против друга в грозной неподвижности. Ни один не пытался вмешаться в схватку. Потом мамонты стали проявлять признаки нетерпения.

Самый высокий с громким сопением шевельнул перепончатыми ушами, похожими на гигантских летучих мышей, и сделал шаг вперед. В это мгновение мамонт, на которого напал зубр, нанес страшный удар хоботом по ногам своего противника. Тот, в свою очередь, зашатался. Мамонт воспользовался передышкой, чтобы подняться на ноги. Два огромных зверя снова стояли друг против друга. Бешенство безраздельно овладело мамонтом. Подняв кверху хобот, он издал трубный звук и кинулся на своего противника. Изогнутые бивни его подбросили зубра в воздух, а затем швырнули на землю с такой силой, что у того затрещали кости. Не дав зубру притти в себя, мамонт вонзил ему бивни в брюхо и затоптал его чудовищными ножищами; кровь фонтаном хлынула из раздавленных внутренностей зубра.

Рев побежденного не был слышен в поднявшемся шуме: семь зубров и пять мамонтов ринулись друг на друга. Волнение овладело и стадами – глухой рев зубров слился с пронзительными криками мамонтов; бешенство и ярость привели в движение могучие туловища, страшные бивни, грозные рога и гибкие хоботы.

Вожак был поглощен битвой. Они сбились в тесную кучу, откуда доносились рев бешенства и боли, хруст раздираемых тканей и треск раздавленных костей...

В первом столкновении численное превосходство дало преимущество зубрам. Три зубра соединенными силами напали на одного мамонта и повалили его на землю. Но остальные мамонты вместе ринулись на противников и буквально раздавили их своей огромной тяжестью; горя бешенством, они принялись топтать поверженных на землю зубров; только увидев опасность, грозящую поваленному мамонту, они оставили свои жертвы и снова пошли в бой. Три зубра, добивавшие лежащего на боку великана, были застигнуты врасплох. Налетевший на них ураган смял и растоптал двух из них, а третий спасся бегством. За ним побежали и остальные сражавшиеся зубры.

Панический страх передался всему стаду зубров. Сначала это была какая-то смутная тревога, мгновенное оцепенение, словно затишье перед грозой; стадо дрогнуло, повернуло вспять и в слепом страхе убежало. В дикой сутолоке более быстрые топтали отстающих, шагали по их спинам. Треск сломанных костей походил на шум падающих деревьев.

Мамонты не стали преследовать убегающего противника. Лишний раз показали они меру своей силы, лишний раз они доказали свое превосходство над всеми живыми существами, населяющими землю.

Колонна рыжевато-бурых гигантов с длинными гривами и шерстью не спеша выстроилась вдоль берега озера и стала утолять жажду.

На склонах холма сгруппировались обитатели леса, взволнованные только что окончившимся зрелищем. Они почтительно взирали на пьющих гигантов. Уламры также, не отрывая взгляда, смотрели на властителей земли. Нао сравнивал худые руки, тонкие ноги и хрупкий торс Гава и Нама с толстыми, как дубы, ножищами и высокими, как скалы, телами мамонтов и думал о ничтожности человека, о жалкой кочевой жизни, которую он ведет в саваннах. Он думал также о львах, тиграх и серых медведях, которые могли встретиться людям в лесу и под могучей лапой которых человек так же бессилен, как вяхирь в когтях у орла...

Глава третья

В медвежьей берлоге

Прошло несколько часов. Взошла белая луна и поплыла вдоль туч. Вода в озере тихо плескалась, блистая голубоватым серебром. Мамонты удалились. Редко-редко бесшумно пронеслась летучая мышь или проползала неслышная змейка.

Эту часть ночи на страже у входа в пещеру стоял Гав. Он очень устал; временами он поддавался дремоте, пробуждаясь при резких порывах ветра, внезапных шумах или при появлении нового запаха. Какое-то странное оцепенение сковало все его мысли и чувства, и в его сознании бодрствовал только страх перед возможной опасностью.

Внезапное бегство сайги заставило его насторожиться и оглядеть окрестности.

Вдруг он увидел по ту сторону реки, на гребне крутого холма, какого-то крупного зверя, переваливавшегося с боку на бок. Массивные, но в то же время гибкие конечности, большая морда, заострявшаяся книзу, что-то отдаленно напоминающее человека в поступи, – все это выдавало медведя.

Гав был знаком с пещерным медведем. Этот великан с выпуклым лбом обычно мирно жил в своей берлоге, никого не трогая, питался растительной пищей и только во время голода охотился на животных.

Но приближавшийся медведь, казалось, принадлежал к другой породе. Гав убедился в этом, когда он вышел на освещенную луной вершину холма. У этого зверя был плоский лоб и серый мех; в его поступи чувствовались уверенность в себе, скрытая угроза и жестокость плотоядных хищников. Это был серый медведь.

Гав вспомнил рассказы охотников, побывавших в гористых местностях. Серый медведь сильнее зубра и бизона; он относит убитую лошадь в свою берлогу с такой же легкостью, как леопард антилопу. Одним ударом когтей он вспарывает грудь и живот человека. Он не боится ни тигра, ни льва. Старый Гоун говорил, что серый медведь уступает в силе только льву-великану, мамонту и носорогу.

Сын Сайги не почувствовал того приступа внезапного страха, который ему внушало появление тигра. Встречи с безобидным и благодушным пещерным медведем приучили его не бояться медведей вообще. Но повадки приближавшегося зверя показались ему подозрительными, и он решил разбудить Нао.

Легчайшего прикосновения к руке сына Леопарда было достаточно, чтобы тот мгновенно вскочил на ноги.

– Зачем разбудил меня, Гав? – спросил он, выйдя из пещеры.

Молодой воин молча протянул руку в направлении холма. Нао нахмурился.

– Серый медведь! – воскликнул он.

И он тревожным взглядом окинул пещеру. С вечера уламы заготовили много веток и кучу камней. Несколько крупных валунов лежали поблизости – всем этим можно было загородить вход в пещеру. Нао предпочел бы спастись бегством, но бежать можно было только по направлению к водою, то есть прямо в лапы к серому медведю; можно было также вскарабкаться на дерево – серый медведь не умеет лазить по деревьям, – но поблизости были лишь топкие деревца, да к тому же этот неутомимый и упрямый зверь способен подстергать свои жертвы бесконечно долго.

Медведь стал спускаться по крутому склону холма. Дойдя до подножья, он поднял кверху морду, втянул влажный воздух и затрусил рысцей. На мгновение обоим воинам показалось, что он удаляется. Но, очутившись на берегу, медведь уверенно побежал к переправе и остановился как раз напротив утеса, где приютились уламы.

Заметил ли он Гава, который укрывался в тени скалы, стараясь не делать ни одного движения? Или это был хозяин берлоги, захваченной уламами, который вернулся из дальних странствий?

Так или иначе, но медведь отрезал уламам единственный путь к отступлению: с одной стороны утес обрывался совершенно отвесно, с другой, на противоположном берегу узкой речки, подстерегал медведь. Как бы быстро ни спустились уламы, медведь успеет переплыть речку и настигнуть их.

Оставалось ждать, пока хищник сам снимет осаду, или принять бой на месте, если он решится напасть на людей в пещере...

Нао разбудил Нама, и все втроем стали перекачивать валуны к входу в пещеру. Потоптавшись на месте, медведь вдруг бросился в воду и переплыл реку. Выйдя на берег, он стал взбираться по узкому выступу, опоясывавшему утес.

Чем ближе подходил медведь, тем больше опасений внушали Наму и Гаву огромная мускулистая туша и сверкающие при свете луны белые клыки. Сердца юношей бешено колотились от страха.

Нао также был встревожен. Он знал силу противника и понимал, что медведю понадобится немного времени, чтобы растерзать троих людей. Топор, рогатина, дротик были бесильны против крепких, как гранит, костей, против толстой, как броня, шкуры.

Вскоре перед входом в пещеру выросла стена. Уламы оставили незаложенным только одно отверстие на высоте человеческого роста. Когда медведь подошел совсем близко, он остановился и удивленно тряхнул головой. Он давно учуял людей, слышал шум, поднятый ими при сооружении стены, но не ожидал, что вход в берлогу, который он так хорошо знал, вдруг окажется прегражденным.

Медведь смутно почувствовал, что существует какая-то связь между появлением этого неожиданного препятствия и вторжением людей в его берлогу. Преграда озадачила его, но несколько не встревожила: он чуял, что имеет дело со слабым противником.

Сперва огромный зверь мирно потягивался, расправляя грудь и покачивая остроконечной мордой. Затем внезапно, без видимого повода, он пришел в ярость: издал хриплый рев и встал на задние лапы. Стоя, он еще больше напоминал человека – волосатого, с уродливо-короткими ногами и непомерно удлинненным торсом. Переваливаясь с лапы на лапу, медведь подошел к оставшемуся незаложенным отверстию.

Нам и Гав, скрывшиеся в темноте пещеры, держали наготове топоры. Сын Леопарда поднял свою палицу. Уламы думали, что медведь опустит передние лапы на груды камней и примется разрушать укрепление. Но зверь неожиданно просунул в отверстие мохнатый лоб и раскрытую пасть, обнажавшую два ряда острых, как дротики, зубов. Топоры Нама и Гава с силой врезались в лоб хищника; Нао взмахнул палицей, но низкий потолок помешал нанести удар. Медведь с ревом отступил. Он не был даже ранен – ни одна капля крови не выступила на его морде; но его горящие маленькие глазки и лязг мощных челюстей яснее ясного говорили о возмущении оскорбленной силы. Однако он не пренебрег полученным уроком. Вместо того, чтобы идти напролом, он решил уничтожить опасное препятствие. Он толкнул преграду лапой – она дрогнула.

Тогда, удвоив усилия, медведь стал расшатывать стену. Он наваливался на нее плечом, толкал лбом, цеплялся когтями и тянул к себе, то, отступив, с разбега бросался на нее всей тяжестью своего массивного тела. Обнаружив слабое место у основания стены, он сосредоточил на нем все удары. Это место было недосыгаемо для людей, и они не могли помешать разрушительной работе противника.

Тогда и уламы быстро изменили способ защиты: Нао и Гав подперли плечами опасное место, и стена перестала шататься; Нам же высунулся в отверстие и подстерегал мгновение, чтобы метнуть дротик в глаз противника.

Вскоре медведь заметил, что слабое место в преграде перестало шататься от его толчков. Это непостижимое явление, шедшее вразрез со всем его многолетним опытом, озадачивало и раздражало его. Он отошел на шаг, сел на задние лапы, недоверчиво потрянул головой... Затем он снова попробовал расшатать стену. Когда и на этот раз преграда не поддавалась, медведь пришел в ярость и оставил всякую осторожность.

Отверстие в стене притягивало медведя – ему казалось, что здесь он найдет свободный проход. С разбега он бросился на него. Дротик просвистел и впился ему в веко: но уже ничто не могло остановить сокрушительного натиска этого живого тарана. Стена рухнула...

Нао и Гав отскочили в глубину берлоги; Нам не успел сделать этого, и чудовищные лапы подмяли его. Нам не защищался; покорный и беспомощный, как лошадь, настигнутая львом, он в каком-то оцепенении ожидал смерти.

Нао, сначала растерявшийся от неожиданности нападения, увидев опасность, угрожавшую его спутнику, загорелся воинственным пылом. Отбросив ставший не нужным топор, он обеими руками схватил свою узловатую палицу.

Медведь заметил его движение. Отложив расправу со слабым противником, он с грозным рычанием шагнул навстречу к Нао. Но не успел зверь пустить в ход свои страшные когти и клыки, как палица улабра молниеноснохватила его по челюсти. Удар, нанесенный искоса, был не очень силен и не опасен, но пришелся по чувствительным местам и причинил такую боль, что хищник осел и завыл.

Второй удар палицы упал на несокрушимый череп. Это была ошибка; медведь почти не почувствовал боли и только яростно зарычал на дерзкого врага. Нао отпрянул в сторону и притаился за выступом скалы. Когда же обезумевший от боли и бешенства медведь снова слепо кинулся на него, Нао в самую последнюю секунду отскочил в сторону, и огромный зверь со всего разбега ткнулся мордой в базальтовую стену. Оглушенный, он зашатался.

Воспользовавшись этим, Нао с такой силой хватил медведя палицей по спине, что у того хрустнули позвонки.

Зверь зашатался и упал. Нао в упоении победы бешено колотил его палицей по ноздрям, по лапам, по челюстям, в то время как Нам и Гав вспарывали ему брюхо топорами.

Когда, наконец, окровавленная туша перестала содрогаться, улабры молча переглянулись. Это был торжественный момент. Нао вырос в глазах своих спутников: ни Фаум, ни Гу, сын Тигра, ни один из тех великих воинов, о которых рассказывал старый Гоун, не мог похвалиться победой над серым медведем.

Глава четвертая

Лев-великан и тигрица

Прошла одна луна. Нао и его спутники, все время безостановочно двигавшиеся на юг, давно уже миновали саванну. Теперь они шли по густому лесу. Казалось, темная чаща никогда не кончится. Изредка встречались поляны, поросшие высокой травой, болота и небольшие озера, за которыми снова начиналась лесная чаща. Буйный растительный покров то взбирался на холмы, то спускался в глубокие овраги. Все виды растений и все породы животных водились в этом лесу.

Здесь можно было встретить тигра и пещерного льва, леопарда и гиену, вепря и волка, лань и серну, носорога, оленя, муфлона, косулю. В этом лесу встречались даже львы-великаны, редчайшая порода хищников, начавшая вымирать сотни веков тому назад.

Кое-где в лесу виднелись широкие просеки, устланные растоптанными ветвями и вырванным с корнем молодняком, – неоспоримое свидетельство соседства мамонтов, стадо которых причиняет лесу больший ущерб, чем самые сильные бури и ураганы.

В этом опасном месте уламы находили обильную пищу, но и сами они могли стать добычей любого крупного хищника. Нао, Нам и Гав подвигались вперед с величайшей осторожностью, построившись треугольником, чтобы одновременно иметь возможность наблюдать за большим пространством.

Днем острое зрение и тонкий слух заблаговременно предупреждали их о всякой опасности. Впрочем, днем опасные хищники спали; они выходили на охоту только в сумерки. При дневном свете зрение их уступало в остроте человеческому, а обоняние – волчьему. Волки могли бы представлять днем немалую опасность для уламов, но в этом обильном всякого рода добычей лесу они остерегались нападать на таких сильных и коварных противников, как люди. Страшный пещерный медведь охотился на животных только тогда, когда не находил растительной пищи. В остальное время это огромное животное мирно утоляло свой голод обильными плодами лесов.

Но если дни проходили относительно спокойно, то ночи были полны страха. Задолго до наступления сумерек уламы начинали искать безопасное убежище для ночлега. Иногда это была естественная пещера; иногда им приходилось строить укрепление из камней; порой они находили приют в глубокой яме в земле. Но чаще всего они проводили ночи на деревьях, выбирая группу близко расположенных друг к другу стволов.

Больше всего уламы страдали от отсутствия Огня. В безлунные ночи им казалось, что свет навсегда оставил землю, что мрак больше никогда не рассеется. Темнота угнетала их, наваливалась на них огромной тяжестью. По ночам они подолгу вглядывались в глухую чащу, ожидая, что где-нибудь вспыхнет искра, и языки пламени начнут лизать сухие ветви.

Но в темноте мерцали только искры далеких звезд да раскаленные угольки глаз хищников.

Люди чувствовали себя оторванными от родного племени и незащищенными от опасностей окружающего враждебного мира.

Наконец, лес поредел. На запад он уходил таким же сплошным массивом, без единого просвета, но на востоке лежала равнина с редкими группами деревьев и островками невысокого кустарника. Зубры, бизоны, олени, сайги и лошади поедали молодые побеги деревьев и тем защищали саванну от наступления леса. Здесь протекала река, берега которой были покрыты черными тополями, пепельными ивами, осинами, ольхой, тростником и камышами. Кое-где виднелись бурые груды валунов ледникового происхождения.

День склонялся к закату, и на земле уже лежали длинные тени.

Многочисленные следы на опушке леса говорили о том, что в сумерки сюда сходилась на водопой множество зверей. Поэтому Нао, Нам и Газ, поспешно утолив жажду, занялись поисками безопасного места для ночлега. Разбросанные кое-где груды валунов были непригодны для этой цели – пришлось бы затратить слишком много времени, чтобы выстроить из них хоть какое-нибудь укрепление.

Нам и Гав, отчаявшись найти подходящее убежище, уже предложили вернуться на ночь в лес, когда Нао вдруг заметил две огромные каменные глыбы, лежащие рядом и соприкасающиеся верхушками; они образовали нечто вроде пещеры с двумя входами. Один из входов был доступен только мелким животным, не крупнее собаки и волка. Второй был достаточно широк, чтобы, плотно прижавшись к земле, в него мог проползти человек; но для львов, тигров и медведей этот вход был слишком тесен.

Нам и Гав легко проникли в пещеру. Они боялись, что богатырское сложение Нао сделает проход недоступным для него. Но сын Леопарда, вытянув вперед руки и повернувшись на бок, без труда забрался в пещеру и так же легко выполз обратно.

Массивные каменные глыбы слежались настолько плотно, что даже мамонтам было бы не под силу разъединить их. Под камнями было просторно – три человека свободно могли поместиться здесь.

Уламы были бесконечно рады этой находке, обеспечивавшей им безопасный ночлег. Впервые за все время похода они могли провести спокойную ночь, не опасаясь нападения хищников.

Подкрепившись сырым мясом молодого оленя и орехами, собранными в лесу, Нао, Нам и Гав выползли из убежища, чтобы еще раз осмотреть местность. Несколько оленей и косуль пробежали к водопою. В воздухе с воинственным карканьем носились вороны; в облаках величественно парил орел. Среди ивняка неслышными шагами крался пятнистый леопард. Рысь преследовала антилопу.

Тени деревьев удлинялись. Солнце садилось за верхушки деревьев, зажигая гигантский пожар в облаках, через несколько минут хищники должны были выползти из своих берлог, чтобы вступить во владение равниной. По пока ничто еще не выдавало этого.

Над равниной раздавался только мирный щебет птичек; они хлопотливо носились в воздухе, то круто взмывая ввысь, то камнем падая вниз.

Неожиданно из лесу вышел бизон... Бизоны были подвижные, сильные, чуткие к малейшей опасности, смелые и осторожные животные, великолепно вооруженные для борьбы за существование.

Сердце Нао учащенно забилося при приближении широкогрудого, круторогого величественного зверя, и он с глухим ворчанием вскочил на ноги: инстинкт охотника сразу проснулся в нем. Обычно люди не решались нападать на стада этих травоядных, но они не упускали случая поохотиться на одинокого бизона, особенно слабого или раненого. Откуда пришел этот бизон? Бежал ли он от преследования сильных хищников, опережая стадо, или, наоборот, отстал от него? Уламы не задавались этими вопросами. Им достаточно было знать, что огромное животное одиноко; победа над бизоном была не менее славной, чем победа над самым крупным из хищников. Но тут же другой инстинкт вступил в борьбу с первым. И этот инстинкт властно приказывал Нао не уничтожать без нужды животное, могущее послужить пищей. А у уламов был большой запас свежего мяса.

Вспомнив про только что одержанную над серым медведем победу, Нао решил, что борьба с бизоном ничего не прибавит к его охотничьей славе и опустил поднятую уже было палицу.

Ничего не подозревавший бизон медленно и спокойно прошел к реке.

Вдруг все трое уламов насторожились – они почувствовали приближение опасности раньше, чем увидели ее. Сомнение, быстро сменилось уверенностью; по знаку Нао, Нам и Гав

скользнули в пещеру. Нао не замедлил последовать за ними, как только на опушке леса показался олень. Животное бежало в слепом ужасе. Рога его откинулись назад, с губ капала пена, окрашенная кровью. Словно лист, увлекаемый циклопом, олень убегал от тигра.

Тигр – коренастый и приземистый, с необычайно гибким хребтом, подвигался вперед гигантскими скачками. Со стороны казалось, что он не бежит, а скользит в воздухе, чуть касаясь лапами земли, в конце каждого скачка он на неуловимо короткое мгновение останавливался, как бы собирая силу для нового взлета.

Олень мчался вперед безостановочно, делая короткие, все убыстряющиеся прыжки. В этот момент погони тигр явно настигал его: хищник только что вышел на охоту после дневного сна, в то время как олень казался утомленным длинным переходом.

– Тигр настигает оленя! – дрожащим от волнения голосом воскликнул Нам.

Нао, возбужденно следивший за этой охотой, ответил:

– Олень неустоим!

Вблизи реки расстояние, отделявшее оленя от тигра, уменьшилось наполовину. Но, сделав неимоверное усилие, олень еще убыстрил свой бег. Некоторое время оба животных неслись с одинаковой скоростью, но затем скачки тигра участились. Он несомненно оставил бы преследование, если бы не близость реки – в воде он рассчитывал быстро настигнуть оленя.

Хищник добежал до берега, когда олень проплыл уже локтей пятьдесят. Не останавливаясь ни на секунду, тигр бросился в воду и поплыл с необычайной быстротой – но олень и тут не уступал ему в скорости. Для него это был вопрос жизни и смерти. Река была неширокой, и видно было, что он доплывет до противоположного берега первым. Правда, стоило ему споткнуться при выходе из воды, и он погиб!

Олень понимал это; он осмелился даже, уклониться от прямой, чтобы выбраться на берег в более удобном месте: на усыпанную галькой косу, отлого спускавшуюся к реке. Расчет оленя был точный, но, ступив на берег, он замешкался на ничтожную долю секунды. Этого было достаточно, чтобы тигр выиграл еще полтора десятка локтей.

Олень отбежал едва на двадцать локтей от берега, когда тигр, в свою очередь, вылез из воды и сделал свой первый скачок. Но тут хищника ждала неудача: падая на землю, он пошатнулся и опрокинулся набок.

Олень был спасен! Теперь преследование становилось бесполезным. Тигр понял это и, вспомнив, что во время погони перед его глазами мелькнул бизон, немедленно снова кинулся в воду и поплыл обратно.

Бизон еще не успел скрыться из виду... Увидев погоню, он начал отступать к лесу; когда тигр исчез в камышах, бизон остановился в раздумье. Однако осторожность взяла верх, и, решив скрыться в чаще, он затрусил к опушке мимо каменных глыб.

Запах уламов напомнил ему, что однажды человек тяжело ранил его острым камнем. Бизон бросился в сторону и стремглав понесся к лесу; он уже почти достиг опушки, когда снова завидел тигра, который приближался с огромной быстротой. Тигр не боялся, что бизон, подобно оленю, убежит от него, но только что испытанная неудача привела его в исступление.

Понимая, что бегство бесполезно, бизон повернулся к хищнику. Нетерпеливо роя копытами землю, он низко склонил рогатую голову. Широкая грудь его, покрытая бурой шерстью, порывисто вздымалась. Большие черные глаза метали огонь. Теперь это было уже не мирное травоядное, а опасный боец; и страх и колебания уступили место нерассуждающей ярости. Инстинкт самосохранения претворился в храбрость.

Тигр увидел, что будет иметь дело с опасным противником. Он не сразу напал на него. Крадучись и извиваясь всем туловищем, как пресмыкающееся, он подходил к бизону, вызывая его на нападение; он хотел, не рискуя прямым нападением, мгновенным ударом лапы сломать бизону спинной хребет или, вскочив на круп, перегрызть незащищенную шею.

Но настороженный и внимательный бизон следил за каждым движением хищника и все время обращал к нему массивный костистый лоб, вооруженный острыми рогами.

Вдруг тигр замер, забыв о бизоне. Изогнув спину дугой, он устремил желтые, сразу ставшие неподвижными глаза на приближавшегося огромного зверя, похожего на него, но более рослого и плотного, с широкой грудью и густой гривой. В уверенной поступи этого зверя чувствовалось, однако, колебание охотника, который забрел на чужую территорию. Ведь тигр был у себя. Десять лун он владел этими местами, и все остальные хищники признавали его первенство – и леопард, и медведь, и гиена. Никто не осмеливался оспаривать намеченной им добычи. Ни одно живое существо не становилось на его пути, когда он охотился па оленя, лань, муфлона, зубра, бизона или антилопу. Только серый медведь в сильные холода решался охотиться в его владениях. Другие тигры жили на севере, львы – возле Большой реки, и он уступал дорогу только непобедимому носорогу и мамонту с толстыми, как стволы вековых деревьев, ногами.

Тигр до сих пор еще не встречал этого странного зверя, но инстинкт сразу подсказал ему, что незнакомый зверь сильнее его, лучше вооружен и не менее ловок и увертлив. И все же тигр колебался признать свою слабость и без борьбы уступить территорию, где так долго он был полновластным хозяином.

Эти колебания отразились на поведении тигра. Он не отступил при приближении соперника, но пригнулся, почти распластавшись на земле, выгнул горбом спину и угрожающе оскалил клыки.

В свою очередь пещерный лев набрал воздуха в широкую грудь, зарычал и затем, оттолкнувшись от земли задними лапами, сделал прыжок на целых двадцать пять локтей.

Тигр испуганно попятился назад. При втором прыжке великана он поджал хвост и, казалось, вот-вот ударится в бегство. Однако тут же, словно устыдившись собственной трусости, он зарычал на противника; его желтые глаза позеленели от бешенства: он принимал бой!

Внезапная перемена в поведении тигра скоро стала понятной улабрам. Из камышей на помощь своему самцу спешила тигрица; она неслась гигантскими скачками, почти не касаясь земли. Глаза ее сверкали, как угли.

Теперь настала очередь пещерного льва усомниться в своей силе. Возможно, что он без боя уступил бы чете тигров ее владения, но возбужденный угрожающим рычанием своей самки, тигр-самец прыгнул навстречу к противнику...

Пещерный лев готов был примириться с необходимостью отступить, но он не мог оставить безнаказанным этот дерзкий вызов. Его чудовищные мускулы напряглись при воспоминании о бесчисленных одержанных им победах, о разорванных, растерзанных и съеденных им существах. Едва лишь один прыжок отделял его от тигра. Он мигом пролетел это расстояние, но встретил пустоту, так как тигр отскочил в сторону. Очевидно, он хотел вцепиться в бок пещерного льва. Тот быстро повернулся, чтобы встретить нападение. Когти и клыки сшиблись... Теперь слышно было только глухое рычание и щелканье страшных челюстей. Тигр пытался вцепиться в горло льва. Ему почти что удалось сделать это, но уверенный удар огромной лапы, как молния, обрушился на него и опрокинул на землю. В то же мгновение когтями другой лапы пещерный лев вспорол ему брюхо. Внутренности вывалились из раны вместе с потоками крови. Отчаянный рев побежденного огласил саванну.

Пещерный лев начал рвать на части свою жертву, когда подбежала тигрица. Видя своего самца побежденным, почуяв запах свежей крови, она остановилась в нерешительности и издала призывное рычание.

При этом зове тигр вырвался из лап пещерного льва. Последняя вспышка ярости придала ему силы сделать один шаг. Но лапы его запутались в выпавших наружу кишках, и он остановился... Силы покинули его, и только глаза все еще были полны жизни.

Тигрица инстинктом поняла, как мало осталось жить тому, кто так долго делил с ней еще теплую добычу, охранял ее детенышей, защищал ее против всего враждебного мира. Трепеща за свою жизнь, она глухо зарычала и, бросив последний взгляд на своего самца, убежала в лес.

Пещерный лев не стал преследовать ее. Он следил за каждым движением издыхающего тигра, но не приканчивал его, так как был осторожен и остерегался получить рану, когда победа и без того была на его стороне.

Настал час заката. Багряный свет разлился по лесам, озарил кровавыми отблесками половину неба. Дневные животные умолкли. Теперь слышались только вой волков, насмешливый хохот гиен, вздохи хищных птиц, кваканье лягушек и стрекотание кузнечиков. Когда последние лучи солнца догорели на облаках, на востоке взошел диск полной луны.

В саванне не было видно других зверей, кроме двух хищников, – бизон скрылся во время их битвы, В наступивших сумерках тысячи существ притаились без движения, учуяв присутствие огромных зверей.

Бесчисленное множество дичи пряталось в каждой заросли, таилось за каждым деревцем, и, несмотря на это, редкий день голод не терзал пещерного льва.

Лев издавал резкий запах, и этот запах всюду сопровождал его, предшествовал ему, предупреждая все живое о его приближении вернее, чем треск почвы под могучими лапами, чем шелест раздвигаемой листвы и шум ломающихся ветвей.

Этот запах был густым и едким, почти осязаемым. Он разносился далеко вокруг, по притихшей чаще и спокойной воде, ужасный и в то же время спасительный для всех слабых. И все бежало перед ним, исчезало, пряталось... Земля становилась пустынной. На ней не было жизни. Не было добычи, и царь природы оставался в величественном одиночестве.

А между тем с приближением ночи гиганта начинал мучить голод. Наводнение изгнало его из привычных мест, и, переплыв через несколько рек, он забрел в неизвестную область. Она безраздельно принадлежала ему теперь, после победы над тигром. И он нюхал воздух, стараясь учуять прячущуюся в сумерках добычу. Но ветерок приносил только ослабленные расстоянием запахи.

Насторожив слух, пещерный лев расслышал чуть слышный шорох бегства мелких зверьков в траве, возню воробьев в гнездах; на верхушке черного тополя он увидел двух цапель. Лев знал, что этих бдительных пернатых не застанешь врасплох. К тому же с тех пор, как он достиг зрелости, он лазил только на невысокие деревья с прочными и толстыми ветвями.

Издыхающий тигр издавал острый запах, дразнивший голодного льва. Он подошел к тигру. Но вблизи этот запах показался ему противным, как отраву.

Внезапно разъярившись, он налетел на тигра и одним ударом лапы переломил ему спинной хребет. Затем, бросив труп, стал бродить по саванне.

Огромные камни привлекли его внимание. Они находились на подветренной стороне, и запах людей не доходил до хищника. Но, приблизившись, он учуял их присутствие.

Уламры с трепетом следили за страшным хищником. Они были свидетелями всех событий в саванне после бегства оленя. В полусвете сумерек они видели, что пещерный лев кружит возле их убежища. Зеленые огоньки сверкали в его глазах. Тяжелое дыхание выдавало нетерпение и острый голод зверя.

Найдя входное отверстие, лев попробовал просунуть голову в пещеру. Уламры с тревогой смотрели на камни – выдержат ли они напор гиганта? При всяком движении пещерного льва Нам и Гав вздрагивали и выпускали возгласы ужаса. Но Нао не дрожал. Ненависть кипела в нем – ненависть живого существа, которому угрожает гибель, бунт пробудившегося сознания против господства слепой силы.

Эта ненависть перешла в ярость, когда зверь стал рыть землю у входа. Нао знал, что львы умеют копать ямы и опрокидывать препятствия, и его встревожила попытка хищника расширить вход в пещеру. Он ударил льва палицей. Зверь зарычал и отскочил в сторону. Его

глаза, великолепно видящие во тьме, различили в глубине пещеры людей. Добыча была совсем близко, и это еще больше обострило голод хищника.

Он снова стал кружить вокруг пещеры, подолгу останавливаясь возле отверстия, и в конце концов опять стал расширять подкоп. Но удар палицы заставил его вторично отпрянуть. Лев понял, что пройти здесь невозможно; однако, он не мог отказаться от такой близкой и как будто доступной добычи. Он решил взять ее хитростью, если не помогла сила. Окинув камни последним взглядом и еще раз вдохнув манящий запах пищи, он притворился, что отказался от охоты на людей и побрел в лес.

Уламры ликовали. Убежище показалось им еще надежней, чем с первого взгляда. Они наслаждались ощущением безопасности, покоя, сытости – всем тем, что делало счастливым первобытного человека.

Не умея выразить словами это ощущение счастья, они обращали друг к другу улыбающиеся лица и весело смеялись. Они знали, что пещерный лев еще возвратится. Но представление первобытного человека о времени было настолько смутным, что это сознание не могло омрачить их радости: промежуток, отделяющий вечернюю зарю от утренней, казался им нескончаемо долгим.

По обыкновению первым на стражу стал Нао. Ему не хотелось спать. В его мозгу, возбужденном событиями дня, роились образы, нестройные, смутные мысли о жизни, о мире.

Уламры накопили уже довольно много сведений о вселенной. Они знали о движении солнца и луны, о том, что свет сменяется тьмой, а тьма – светом; что холодное время чередуется с жарким; они знали о течении воды в реках и ручьях; о причудах дождя и жестокости молнии; о рождении, старости и смерти человека; они безошибочно различали по внешнему виду, привычкам и силе бесчисленное множество животных; они наблюдали рост деревьев и увядание их; они умели закалять острие копья, делать топоры, палицы, дротики, умели и пользоваться этим оружием. Наконец, они знали Огонь, страшный, желанный и могучий Огонь, придающий людям силу и бодрость, но способный пожрать саванну и лес со всеми находящимися в них мамонтами, носорогами, львами, тиграми, медведями, зубрами и бизонами.

Жизнь Огня всегда занимала Нао. Огню, как всякому живому существу, нужна была пища, он питался ветвями, сухой травой, жиром, он рос, он рождал другие Огни; наконец, он умирал. Огонь мог распространяться беспредельно, но его можно было поделить на мельчайшие частицы, и каждая из них продолжала жить. Огонь хирел, когда его лишали пищи – он становился меньше мухи; но стоило поднести к нему сухую травинку, как он возрождался и снова мог объять своим пламенем огромный лес. Это был зверь и не зверь. У него не было ног, но он соперничал в скорости с антилопой. У него не было крыльев, но он летал в облаках; не было у него и пасти, но он дышал, ворчал, рычал; не было у него ни лап, ни когтей, но он мог охватывать огромное пространство...

Нао любил Огонь и в то же время ненавидел и боялся его. В детстве он не раз испытывал его укусы; Нао знал, что Огонь нельзя приручить; Огонь всегда готов пожрать тех, кто его кормит; он свирепей тигра и коварней гиены. Но жизнь с ним радостна – он отгоняет жестокий холод ночи, дает отдых усталым и силу слабым.

В темноте пещеры Нао вспоминает яркое пламя костра и красные отблески на лице Гаммлы... Восходящая луна напоминает ему такой костер.

Из какого места земли выходит по ночам луна, и почему она никогда не гаснет? В иные вечера она кажется тоньше травинки, которую лижет робкий язык пламени. Но вслед за тем она оживает. Невидимые люди заботятся о ней и кормят ее, когда она начинает худеть.

Сегодня вечером луна в полном расцвете сил: вначале она была огромной и тусклой. Поднимаясь по склону неба, она становилась все меньше, но свет ее от этого только ярче сиял. Очевидно, невидимые люди сегодня дали ей много сухих сучьев!

Пока сын Леопарда предается этим грезам, ночные животные выходят на охоту. Пугливые тени скользят в траве. Нао различает в темноте землероек, тушканчиков, агути, легких куниц, похожих на змей ласок; затем в полосе лунного света показался сохатый. Нао смотрит ему вслед: у него шкура цвета дубовой коры, тонкие сухие ноги и закинута на спину рога. Сохатый исчез. Теперь видны волки. У них круглые головы, острые морды и крепкие, мускулистые ноги. Брюхо у них беловатое, но бока и спина бурые, а вдоль позвоночника растет полоска почти черной шерсти; в поступи их есть что-то коварное, предательское, неверное.

Волки учуяли сохатого, но и тот, в свою очередь, втянув в ноздри влажный ветерок, различил подозрительный запах и ускорил свой бег. Сохатый намного опередил волков. Запах его с каждой минутой становится все слабее. Волки понимают, что сохатого не догнать. Тем не менее они бегут по его следу, по открытой саванне, до опушки леса. Преследовать его дальше бесполезно.

Разочарованные волки медленно возвращаются назад. Некоторые из них воют, другие сердито рычат. Затем тонкие, подвижные ноздри их снова начинают обнюхивать воздух. Поблизости нет ничего достойного внимания, если не считать трупа тигра и трех людей, укрывшихся в пещере. Но люди – слишком опасный противник, а тигрятины волки, несмотря на всю свою прожорливость, терпеть не могут. Тем не менее, старательно обойдя сторонкой человеческое жилище, они подошли к тигру.

Сначала волки осторожно кружили вокруг трупа, боясь западни. Но вскоре осмелели и, подойдя вплотную, стали обнюхивать огромную пасть, из которой так недавно еще вырывалось грозное дыхание. Исследуя неподвижную тушу, они слизывали кровь с зияющих ран. Но ни один из них не решался вонзить зубы в эту терпкую плоть, которую безнаказанно могли переварить только железные желудки коршуна или гиены.

Неожиданно поблизости раздался взрыв жалобных воплей, рычание, пронзительный хохот. Волки насторожились. Шесть гиен выбежали в полосу лунного света. У гиен были мощные груди, удлиненные туловища, слабые задние лапы, гривастые, остроухие морды с треугольными глазами и сильными челюстями, способными раскусить кости льва. Гиены издавали отвратительный запах.

Это были рослые хищники, которые могли бы помериться силами даже с тигром благодаря мощи своих челюстей. Но гиены не любили открытой борьбы и принимали бой только при крайней необходимости. Впрочем, такие случаи были большой редкостью, так как хищников не соблазняло их зловонное мясо, а соперничества других пожирателей падали гиены не боялись, так как все они были слабее их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.